

П.К. Щебальский

**Николай Алексеевич
Милютин и реформы в
Царстве Польском**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.К. Щебальский**
Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском / П.К. Щебальский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 124 с.

ISBN 978-5-458-07791-0

ISBN 978-5-458-07791-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

одного титулованнаго литератора (князя В. Θ. Одоевскаго) вылилось слѣдующее задушевное четверостишіе:

Тобой свершилося желанное вѣками!
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда! *

Указъ могъ быть написанъ по волѣ, даже по единоличной волѣ Государя; такіе указы не рѣдкость. Но не рѣдкость что указы остаются мертвою буквой. Таковъ указъ Петра I о майоратахъ, таковы распоряженія Екатерины II имѣвшія цѣлю сближеніе съ Россіей Прибалтійскихъ провинцій, указы Александра I и Николая о вольныхъ хлѣбопашцахъ и обязательныхъ крестьянахъ. Почему эти и многіе другіе указы остались мертвою буквой? Вслѣдствіе строптивости, упорства, духа оппозиціи, свойственныхъ Русскому народу, какъ говорили не рѣдко иностранцы писавшіе о Россіи? Нѣтъ, разница здѣсь та что для указа 19 февраля 1861 года почва была подготовлена, тогда какъ она вовсе не была подготовлена для названныхъ указовъ Петра, Александра и Николая, а распоряженія Екатерины были прямо антипатичны... только не „строптивому Русскому народу“.

Да, почва для освобожденія крѣпостныхъ и для разрѣшенія вопроса о матеріальномъ обезпеченіи ихъ была въ половинѣ пятидесятихъ годовъ значительно подготовлена. Чѣмъ? Отчасти, думаемъ, предшествующими мѣрами правительства и ходомъ идей, отразившихся и въ русской литературѣ особенно съ половины сороковыхъ годовъ. Нѣкоторые изъ изображенныхъ тогдашними писателями типовъ были идеализованы, другіе выставлены подъ освѣщеніемъ легкаго юмора, но юмора добродушнаго и сочувственнаго, и цѣлыя поколѣнія возрастали и воспитывались въ духѣ сочувствія къ бѣдности и беззащитности, въ духѣ готовности пособить бѣдному и защитить обездоленнаго. Подобныя же понятія внушали своимъ дѣтямъ и иные родители усвоившіе себѣ гуманныя воззрѣнія Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, воззрѣнія дѣйствовавшія тѣмъ сильнѣе что они легко прививались къ понятіямъ христіанскимъ, еще крѣпкимъ лѣтъ 50—60 тому назадъ.

---

* *Русскій Архивъ*, 1871, XI.

Таковы именно были повидимому родители Милютина. Г. Леруа рассказывает что однажды во время масляницы Николай Алексеевич, будучи еще шестнадцатилетним юношей, отправился на танцевальное утро в Дворянское Собрание, веселился там до 6 часов вечера, потом объедал гдѣ-то; послѣ объѣда опять устроились танцы, потом подали ужинъ, такъ что юноша возвратился домой въ 3 или 4 часа ночи, совершенно довольный и счастливый. На слѣдующее утро, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ блаженныхъ воспоминаній, онъ принялся передавать ихъ своимъ родителямъ. Но они прервали его вопросомъ: а что же сдѣлалъ ты съ кучеромъ?—„Только тогда, рассказывалъ Н. А. по словамъ своего біографа незадолго до своей смерти,—только тогда я почувствовалъ всю мою жестокость относительно этого бѣднаго человѣка, котораго я продержалъ на морозѣ пятнадцать часовъ. Съ тѣхъ поръ, заключилъ обезсиленный тяжкимъ недугомъ государственный человѣкъ,—въ головѣ моей постоянно толпились мысли объ освобожденіи крепостныхъ людей“... Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Такимъ образомъ, то путемъ впечатлѣній дочерпаемыхъ изъ литературы, то путемъ практическихъ уроковъ самой жизни воспитывались цѣлыя поколѣнія. По словамъ одного изъ друзей князя В. А. Черкаскаго, „съ самой университетской скамьи всѣ его помыслы, всѣ усилія были устремлены къ одной цѣли—къ освобожденію крестьянъ“. И то же, безо всякаго сомнѣнія, можно сказать о весьма многихъ не только кружныхъ дѣятеляхъ знаменитой реформы, но и о тѣхъ „людяхъ сороковыхъ годовъ“ имена которыхъ остались совершенно неизвѣстными. Повторяю, къ началу царствования Александра II почва для предстоящей реформы была уже въ значительной степени подготовлена, по крайней мѣрѣ въ сферѣ сознанія, въ сферѣ мнѣнія. Вотъ почему, когда правительство поставило крестьянскій вопросъ на практическую почву, нашлись и сановники горячо принявшіеся за него, какъ Ланской, Ростовцевъ; нашлись и спеціалисты знакомые со всеми подробностями дѣла, ибо на разсмотрѣніе Главнаго Комитета поступило болѣе сотни проектовъ переустройства крестьянскаго быта *; нашлись серьезные публицисты разъяснявшіе читающей массѣ этотъ крайне сложный

---

* *Материалы* и пр. I, 265.

и щекотливый вопросъ, нашлись, наконецъ, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, а еще ранѣе въ лицѣ предводителей дворянства, органы для проведенія въ жизнь новоизданнаго Положенія... Крестьянскій вопросъ вызрѣвалъ медленно, въ продолженіе четверти столѣтія, если принять за начало тридцатые годы; въ сознаниі же русскаго общества онъ началъ пускать корни еще несравненно ранѣе, а именно во времена Екатерины Великой, со времени извѣстнаго предложенія ея Вольно-Экономическому Обществу и *Наказа*. Среди образованнѣйшихъ людей двадцатыхъ годовъ уже возникало сознание,—но еще очень смутное, въ видѣ зародыша,—о правѣ каждаго человѣка располагать собой, и только 30—35 лѣтъ спустя этотъ зародышъ вызрѣлъ и неясныя стремленія могли воплотиться въ конкретную форму законодательнаго акта... Не худо бы держать это въ памяти. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ сравнительной неуслѣбности другихъ реформъ послѣдняго царствованія, на примѣръ земской и судебной, было то что онѣ не успѣли вызрѣть въ общественномъ сознаниі и явились отчасти скороспѣлками, отчасти копіями съ чужихъ образцовъ. И новый судъ и земство дѣйствуютъ уже около двадцати лѣтъ, а какъ различны еще у насъ и теперь возрѣнія на компетенцію мировыхъ и общихъ судовъ, на обязанности слѣдователей, на порядокъ преданія суду, на порядокъ назначенія присяжныхъ засѣдателей, на права защиты, на права и обязанности земства, на составъ гласныхъ, и такъ далѣе!

Г. Леруа Больё долго, прилежно и—мы отъ души расположены допустить это—добросовѣстно занимался изученіемъ Россіи; но можетъ-быть потому именно что онъ сильно вчитался въ современную нашу публицистику и внимательно прислушивался къ толкамъ о настоящемъ положеніи нашего отечества, въ его статьяхъ о Россіи вообще и о Николаѣ Александровичѣ Милютинѣ въ частности встрѣчаются такія выраженія и связываются съ ними такія понятія которыхъ значеніе или совершенно вывѣтрилось отъ частаго употребленія, или же извратилось отъ употребленія въ неправильномъ, ненадлежащемъ и самопроизвольномъ смыслѣ. Таковы, между прочимъ, очень любимыя французскимъ авторомъ слова: „*tchinovnik*, *tchinovnisme* и *bureaucratie*“. Мы желали

бы знать, чѣмъ отличается русскій чиновникъ и русская канцелярія отъ французскаго *bureau* и французскаго *employé*? Съ послѣднимъ мы не знакомы лично, но мы встрѣчаемъ типъ *employé* во французскихъ романахъ со временъ еще покойнаго Бальзака и находимъ оба эти слесимена очень сходными. Да иначе кажется и быть не можетъ. Сходныя причины производятъ и явленія сходныя. Веденіе регистра-туры, составленіе извлеченій и записокъ по мало интерес-нымъ дѣламъ, докладовъ по установленной формѣ и т. п. не способны, конечно, развитъ въ человѣкѣ блестящихъ качествъ ума и воображенія, энергіи и инициативы. Но то же самое и вездѣ гдѣ существуетъ письменное производство, а оно существуетъ вездѣ, во всѣхъ государствахъ, ибо безъ письмен-ныхъ сношеній, безъ журналовъ, протоколовъ, приходо-рас-ходныхъ и иныхъ книгъ немислимо управленіе государствомъ: да безъ нѣкотораго письменоводства немислимо управленіе и заводомъ, фермой, мелочною лавочкой. Можетъ-быть у насъ письменоводство приняло нѣсколько большіе размѣры чѣмъ въ другихъ странахъ, можетъ-быть оно болѣе страда-етъ медленностью, но такъ ли это дѣйствительно—сказать съ увѣренностью нельзя до тѣхъ поръ пока этотъ вопросъ не подвергнется спеціальному изученію, причемъ однако пришлось бы принять во вниманіе несравненно большія у насъ чѣмъ въ другихъ странахъ разстоянія и несравненно меньшее относительно пространства Россіи, протяженіе желѣзныхъ до-рогъ. Во всякомъ случаѣ французскій авторъ, придавая сло-вамъ *tschouvnik*, *tschouvnikisme* и *bureaucrate* пренебрежи-тельный характеръ и называя самъ, отъ своего имени, Ми-лютина бюрократомъ, * очевидно повторяетъ столь знако-мый намъ мотивъ господствующаго у насъ съ нѣкоторыхъ поръ мнѣнія; а какова иногда основательность этого мнѣнія, о томъ даетъ уразумѣть одно уже то что Николая Алексѣе-вича, по словамъ г. Леруа-Больѣ, считали „чистѣйшимъ пред-ставителемъ чиновничества“.

Н. А. Милютинъ и чиновничество въ смыслѣ обыкновенно этому слову придаваемомъ, то-есть въ смыслѣ бездарнаго и лѣниваго канцелярскаго люда, забитаго, залуганнаго, высох-

---

* „Pour un bureaucrate dont l'existence s'était écoulée dans les chan- celeries pétersbourgeoises“, говоритъ французскій авторъ о Милютинѣ (*Revue des deux Mondes*, 1880, 851).

шаго надъ перелисываемъ бумагъ,—это солоставленіе ужъ черезчуръ смѣшно! А между тѣмъ Милютинъ не единственный „чиновникъ“ чуждый печати чиновничества изъ числа тѣхъ именъ коихъ приводятся г. Леруа-Больё. Когда ему было только 22 года, первый его начальникъ графъ А. Г. Строгановъ, тогдашній министръ Внутреннихъ Дѣлъ, говоритъ г. Леруа-Больё, обратилъ вниманіе на составленную имъ записку объ оказавшемся во многихъ мѣстахъ голодѣ, * пожелалъ лично познакомиться съ ея авторомъ и, чтобъ окончательно убѣдиться въ его способностяхъ, поручилъ ему тутъ же, не выходя изъ министерскаго кабинета, составить записку (un travail) по поводу первыхъ предположеній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи... Надо согласиться что и молодой двадцатидвухлѣтній чиновникъ, которому задаютъ такіа работы, не похожъ на Акакіевъ Акакіевичей, на Дѣвущкиныхъ, вообще на чиновника въ пренебрежительномъ значеніи этого слова, да и министръ вступающій въ личныя сношенія съ мелкимъ подчиненнымъ ему чиновникомъ и лично испытывающій его способности не похожъ на тѣхъ самодовольныхъ пошляковъ какихъ въ продолженіе слишкомъ двадцати лѣтъ намъ рисуютъ во главѣ „чиновничества“. Подобно Строганову и его преемники Перовскій и Ланской не смѣшивали молодого Милютина съ канцелярскою толпой: при первомъ изъ этихъ министровъ ему было поручено составленіе проекта преобразованія Петербургской думы—работы законодательнаго характера, а при Ланскомъ, имѣя не болѣе 35 лѣтъ, онъ былъ сдѣлавъ ближайшимъ сотрудникомъ, товарищемъ министра... Что, спрашивается, во всемъ сейчасъ разказанномъ можетъ подать поводъ къ толкамъ о „чиновничествѣ“, „чиновникахъ“ и „бюрократіи“? Бибииковъ, предмѣстникъ Ланскаго, не особенно благоволилъ къ Милютину, но ужъ конечно не въ „чиновничествѣ“ и „бюрократіи“ можно обвинить даровитаго, энергическаго, исполненнаго личной инициативы Д. Г. Бибиикова!

Разумѣется, совершая эту быструю карьеру, Милютинъ ступалъ не по однимъ только розамъ. У насъ, какъ и вездѣ впрочемъ, быстрое возвышеніе вызываетъ отчасти зависть, а отчасти и усиленную требовательность, которую нельзя назвать несправедливою: кому много дается, отъ того много

---

* Это было вѣроятно въ 1839 году.

и требуется. Иные считали Милютина счастливымъ, выскочкой и искали въ будуарныхъ тайнахъ объясненія его быструму возвышенію; другіе считали его выскочкой опаснымъ. И точно, его воззрѣнія на существующій порядокъ, которыхъ онъ не скрывалъ, напротивъ, охотно провозглашалъ, желая имъ торжества, слишкомъ расходились съ духомъ господствовавшей правительственной системы. Человѣкомъ опаснымъ былъ онъ представленъ и покойному Государю. Но онъ имѣлъ сильную поддержку въ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, въ кружкѣ молодыхъ сановниковъ пробивавшихся уже на первыя ступени іерархической лѣстницы, и болѣе всего въ лицѣ своего непосредственнаго начальника Ланскаго. Ланской ручался предъ Государемъ за Милютина „какъ за самого себя“ и, какъ уже сказано, Милютинъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Это назначеніе послѣдовало въ началѣ 1859 года, во время самаго разгара приготовительныхъ работъ по крестьянскому вопросу. Но есть основанія полагать что еще гораздо ранѣе отъ него лично исходила инициатива многихъ мѣръ принятыхъ при разрѣшеніи этого вопроса. Изъ письма Милютина къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ отъ 19 октября 1856 года, приводимаго г. Леруа-Больѣ, видно что въ его головѣ тогда уже слагалась мысль о губернскихъ комитетахъ. Тотъ же писатель разказываетъ что въ слѣдующемъ году, аѣтомъ, Ю. О. Самаринъ пожелалъ познакомиться съ Милютинымъ и что при этомъ „установлены были главныя черты освобожденія крестьянъ“. Наконецъ, по словамъ г. Леруа-Больѣ, многіе члены редакціонныхъ комиссій были приглашены по его указанію; что касается участія Милютина, уже какъ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то оно было первенствующимъ, преобладающимъ. Это достаточно извѣстно. Такое преобладаніе его было разумѣется естественнымъ результатомъ его выдающихся способностей и близкаго знакомства съ вопросомъ интересовавшимъ его, какъ мы знаемъ, почти съ дѣтства. И Милютинъ хорошо сознавалъ свою силу; но онъ зналъ что одинъ въ полѣ не воинъ и потому-то, какъ человѣкъ практической, онъ заблаговременно сталъ высматривать людей болѣе или менѣе сходно съ нимъ смотрѣвшихъ на дѣло, сблизился съ ними и ввелъ ихъ въ редакціонныя комиссіи. Между этими людьми достаточно на-

звать Ю. О. Самарина и князя Черкаскаго, его будущих сотрудниковъ въ переустройствѣ Царства Польскаго. Съ ихъ поддержкой и опираясь на нихъ, Милютинъ успѣлъ выработать проектъ Положенія 19 февраля почти въ томъ видѣ какъ оно обнародовано; ни въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ предсѣдалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, ни въ Государственномъ Совѣтѣ серьезныхъ измѣненій въ этомъ проектѣ не было сдѣлано; да Государь объявилъ что оныя и не допустить ихъ. „Вы можете, сказалъ онъ членамъ Совѣта, кое-что измѣнить, но главные основанія должны оставаться неприкосновенными“.

Между тѣмъ, вкорѣ послѣ обнародованія Положенія, престарѣлый министръ Внутреннихъ Дѣлъ удалился на покой. Быть товарищемъ, въ сущности *помощникомъ* другаго министра, Милютинъ вѣроятно не захотѣлъ бы, а сдѣлаться министромъ самому не было надежды; это не входило въ виды Государя, и вотъ какъ объясняетъ это г. Леруа-Больѣ: „Среди двора, вообще непріязненнаго Милютину, Государю приходилось слышать что дворянство погибнетъ окончательно если такому человѣку будетъ вѣрено приведеніе въ исполненіе аграрнаго закона установленнаго Положеніемъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь Милютина изображали систематическимъ противникомъ помѣщиковъ, человѣкомъ желающимъ разорить ихъ въ пользу крестьянъ. Государь, полагавшій свое честолюбіе въ доставленіи благосостоянія *всѣмъ* и справедливо желавшій не налагать слишкомъ тяжелыхъ жертвъ на свое вѣрное дворянство, не могъ не обратить вниманія на подобныя жалобы. Онъ не сдавался пока находилъ присутствіе товарища Ланскаго необходимымъ для приведенія дѣла къ концу“.... но, докончимъ мы мысль г. Леруа-Больѣ, великое дѣло было окончено въ законодательномъ порядкѣ, и опасеніямъ „вѣрнаго дворянства“ можно было дать удовлетвореніе. Въ письмѣ къ князю Черкасскому Милютинъ писалъ что ни онъ, ни Ланской не просили объ увольненіи и что его „выпроводили“. Онъ былъ однако сдѣланъ сенаторомъ, съ сохраненіемъ прежняго содержанія, а нѣсколько дней спустя онъ извѣщалъ Самарина что Государь, прощаясь съ нимъ, обласкалъ его, благодарилъ и нѣсколько разъ обнялъ. Какъ бы то ни было, Милютинъ считалъ себя оскорбленнымъ и уѣхалъ за границу, а его біографъ,

* *Матеріалы*, III. 160.

забывая выше приведенное свое объяснение удаления Милютина, говорит о явной к нему и другим главным деятелям крестьянской реформы немилости (*disgrace*). * Впрочем, не одни чисто субъективные соображения тревожили и раздражали Николая Алексеевича; он тревожился и, надеясь, больше чем за себя лично, за судьбу самой реформы. В письмах к Черкасскому и Самарину он говорит об интригах придворных и министерских канцелярий, о начинающейся реакции, лицу которым подають де крестьянские беспорядки в Рязанской и Пензенской губерниях. К назначению П. А. Валуева преемником Ланского он относился не без недоверия: „Новый министр, говорит Николай Алексеевич, начал тихо и уклончиво. Программу свою он излагает так: строгое и буквальное приведение в действие Положения, но в духе примирительном. Не знаю, искренен ли он, но таково искреннее желание Государя... Гуманные свойства Государя предохраняют его от реакции“... В конце концов кажется что Милютин удалился в менее пессимистическом настроении и с большею бодростью духа чем можно бы заключить по некоторым из вышеприведенных его слов. В письме к какому-то „неизвестному“ он говорит: „Я уношу с собою старую мою уверенность в живучесть дела освобождения... Новый порядок сельского устройства утвердится, я в том убежден, при помощи честных и правдивых лю-

---

* Не лишним будет припомнить здесь следующую, надвзвшившую в свое время много шума и упоманяемый г. Леруа-Болье случай. По окончании всех работ по составлению Положения 19 февраля, преемник графа Ростовцева, граф Панин, пожелал представить к почетным наградам наиболее потрудившихся. Милютин, узнав об этом, представил Ланскому докладную записку (которая потом была сообщена графу Панину) в которой свидетельствовал об отвращении (*réugnance*) его сотрудников к подобным отличиям. „Участие в совершении столь важного дела есть уже само по себе такая честь которой достаточно на всю жизнь“, так рассуждал Милютин об этом в одном частном письме, а Самарин дал этому рассуждению фактическое подтверждение, возвратив графу Панину препровожденный ему орден. Вот нечто иллюстрирующее ту *disgrace* Милютина и его друзей, о коей говорит г. Леруа-Болье. Естественно что Государь мог иметь против них некоторое предубеждение. Не следует служить из-за награды и выпрашивать их, но не позволительно и презирать их.

дей, которые должны словомъ и дѣломъ уяснять сознание и возвышать общественную нравственность. По глубокому моему убѣжденію, печать могла бы теперь содѣйствовать этому болѣе чѣмъ когда-нибудь. Она одна въ состояніи разсѣять вѣсковыя предубѣжденія, выяснить новый законъ и постоянно указывать возвышенную цѣль которая такъ легко теряется изъ виду посреди мелочей вседневной жизни“... Главное же дѣло, писалъ Милютинъ своимъ друзьямъ-сотрудникамъ, князю Черкасскому и Самарину, теперь заключается въ работѣ на мѣстѣ, въ провинціи.

Эти друзья и перенесли свою дѣятельность въ провинцію, принявъ на себя обязанность мировыхъ посредниковъ. Письма ихъ къ Николаю Алексѣевичу вообще были успокоительны: великое дѣло утверждалось и пускало корни. Въ сферы собственно крестьянскаго вопроса приходили къ нему изъ Россіи тревожныя вѣсти. Начиналась смута, та смута, которая продолжалась 20 лѣтъ, разразилась страшною катастрофой 1 марта минувшаго года и не улеглась еще до нынѣ. Мы не будемъ касаться этой смуты, такъ какъ Н. А. Милютинъ не былъ призванъ бороться съ нею, но позволимъ себѣ привести слѣдующую характеристику тогдашняго положенія дѣлъ, которую находимъ въ письмѣ Самарина къ Николаю Алексѣевичу отъ іюля 1862 года. „Прежняя самонадѣянность, которая замѣняла энергію, исчезла безвозвратно. Старые правительственные приемы отброшены, а жизнь ничего не создала на ихъ мѣсто. Въ верхнихъ сферахъ—зудъ законодательства и неслыханный недостатокъ дарованій; со стороны общества вялость, хроническая лѣнь, полное отсутствіе инициативы и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе обнаруживающееся поползновеніе безнаказанно задирать власть (*taquiner impunément le pouvoir*). Теперь, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ, на всей землѣ Русской существуютъ только двѣ живыя силы—личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того чтобъ быть въ связи между собою, напротивъ того разъединены промежуточными наслоеніями, и эта-то неплѣтая (*inèrte*) среда, не имѣющая никакихъ корней въ народѣ и однако въ теченіе вѣковъ цѣпляющаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подниматься на дыбы (*se cabrer*) подъ рукою собственно своею, единственною поддержкой (примѣръ тому дворянскія собранія, университеты, печать и пр.). Ея волли бесполезно смущаютъ правительство

и раздражают массы *. Правительство отступаетъ, дѣлаетъ уступки за уступками которыя не приносятъ никакой пользы обществу, а оно его продолжаетъ задрать изъ удовольствія задрать. Но это не можетъ продолжаться, ибо иначе не избѣжать сближенія между собою сбѣихъ окончностей, Верховной Власти и простонародья,—сближенія при которомъ все находящееся посреди было бы сплюснуто и раздавлено (*aplati et broyé*); а все находящееся посреди—это вся грамотная Россія, вся наша интеллигенція... Прибавьте къ этому польскую пропаганду, которая проникла всюду и которая въ послѣднія пять лѣтъ сдѣлала громадныя успѣхи, особенно въ Подоліи“...

Дѣйствительно, польскія дѣла принимали весьма тревожный оборотъ. Замѣтивъ что съ началомъ новаго царствованія „повѣяло новымъ духомъ“, крупные помѣщики Царства Польскаго, не нарушая легальности и установленныхъ порядковъ, обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ амнистіи польскимъ эмигрантамъ, о возвращеніи на родину сосланныхъ въ разное время, о допущеніи дворянства участвовать въ мѣстномъ управленіи и судѣ и объ открытіи польскаго университета. Значительная часть этихъ ходатайствъ была уважена, и Государь, посѣтившій Варшаву въ 1856 году, вынесъ оттуда повидимому хорошее впечатлѣніе. Довѣряя польскому дворянству, въ слѣдующемъ году правительство разрѣшило открытіе Земледѣльческаго Общества. Этому Обществу, въ которое записались едва ли не все крупныя землевладѣльцы Царства, было дозволено касаться исключительно вопросовъ хозяйственныхъ, земледѣльческихъ, и оно сна-

---

* „Въ Москвѣ, писалъ Николаю Алексѣевичу одинъ изъ его корреспондентовъ отъ 2 октября 1861 года, сборище студентовъ было разсѣяно народомъ, причѣмъ одинъ студентъ былъ такъ избитъ что вскорѣ умеръ (?)... Не могу ручаться за вѣрность этого факта, но если онъ справедливъ, то есть о чемъ подумать.“ Съ другой стороны профессоръ К. писалъ отъ 25 іюля 1862 года по поводу студентскихъ демонстрацій въ Петербургѣ: „Независть народа къ студентамъ усиливается со дня на день. Общество вспомошествованія Литераторамъ принуждено было заказать 200 паръ партикулярныхъ плащей для немущихъ студентовъ (шмъ была тогда присвоена мундирная одежда) чтобъ онѣ не были узнаваемы на улицѣ и не подвергались побоямъ“.